

АНАСТАСИЯ ТОК

ВСПОМИНАЯ О ТОМ, ЧТО
СЕЙЧАС В БУДУЩЕМ

12+

Анастасия Ток
Анастасия Ток
Вспоминая о том,
что сейчас в будущем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65836206

SelfPub; 2021

Аннотация

В городе Хилтопгер все идет своим чередом: в пабе Black cat рокеры поют до хрипоты, рвут струны гитары под панк-рок и теряют в пылу азарта микрофоны; в пекарне White cat мирно пьют чай, зажевывая его румяными круассанами под мелодии французского шансона. Но все меняется, когда один ученый-отшельник, средневековый путешественник во времени, случайно вызывает в своем фургоне злой дух ведьмы по имени Фрида...

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анастасия Ток

Вспоминая о том, что сейчас в будущем

«Лучше уж сны, где сказки мои»

Михаил Горшенёв

Часть 1

Глава 1. Место не для всех

Если прийти в это место, не зная его названия и назначения, то можно подумать, что находишься в театре: на стенах висит большое количество венецианских масок. Но стоит только перевести взгляд, как тотчас же в глаза бросаются неряшливо приколотенные плакаты: «Мы ждем перемен»¹; «Соловьи, я не с вами»², «Мой князь – князь тишины»³. С этих выхваченных из песен строк, ставшими лозунгами, струйками стекает черная и красная краска. Под плакатами кухонным ножом криво выцарапана символика анархии, значок пацифистов и странные иероглифы на языке древних племен. Тут же висят яркие картины кисти явно профессионального, но не похожего в своей манере на других, художника. Должно быть, однажды его настигнет слава и признание. А вот и сам творец, создатель полотен, сидит в уголке и скрупулёзно работает над очередным холстом. Это рыжий одноухий пес в легкой голубой рубашке и со взглядом, полным азарта, который вот-вот перейдет в отчаяние. Будто бы работает он не кистью, а нервами, и одна внутренняя

¹ группа «Кино» «Хочу перемен!»

² «Бригадный подряд» «Соловьи»

³ «Наутилус Помпилиус» «Князь Тишины»

безграничная боль поддерживает его дух. Над ним стоит рыжая кошка – официантка Жанна с огненным цветом короткостриженных волос и темно-зеленой челкой. Она задумчиво смотрит на эскиз и пускает из дорогой сигареты ядовитые клубы дыма. Табак приятно обжигает горло и нос, а пахучий дурман ненавязчиво разгонят суетные мысли, образуя тупую пустоту в голове. Художник пишет то, что видит. А видит он сцену, заваленную окурками, неприбранными жестяными и мятыми пивными банками. Стройно стоят только инструменты: гитары, барабаны, динамики и микрофон. Лишь им одним здесь оказывается честь. Странное и контрастное место, которое, судя по всему, создавалось такими же странными и разными существами. Никто не знает, как его строили, это получилось, как будто бы, само собой. Но все знают, что из этого вышло. Место встречи рок-молодежи, приют не для всех, а только для неформалов и чудаков: паб «Black cat».

Глава 2. Обитатели «Black cat»

Поздний вечер третьего апреля. Уличный асфальт отдает накопленное за день тепло, вяло покачиваются на ветру деревья, чьи кроны, освещены лучшим софитом этого мира – Луной. Ночь – удивительное время. Почему-то именно в темноте всё становится искренним, настоящим, будто бы становится легче сбросить маску. Городская жизнь затихает, открыт лишь только паб «Black cat», где только что отгрохотал очередной концерт. Для официанток начинается самая рутинная работа, состоящая из ленивой уборки столов,

вытирания лужиц от разных напитков, заметания пепла. Куда веселее бойко разносить пенящиеся кружки, искрящиеся бокалы под общий гвалт радости, крики протеста, одержимость безудержным весельем. Жанне не привыкать к работе в пивнушках с въедливым запахом, смешивающегося здесь с дымком от рваных струн. В этом пабе часто ломают гитары или пробивают барабаны насквозь. Жанне, конечно, хочется поскорее окончить свою смену и уйти к себе домой, на чердак. Она не случайно выбрала именно такое место. При незначительной экономии и отказа от сигарет официантке вполне хватило бы денег на аренду квартиры в районе окраины, однако ей непременно нужно быть ближе к облакам и небу. Немногие знают, но как только выдается свободная минутка, Жаннетт бежит к двум деревьям, между которыми струной натянут канат. Она встает на него, начиная грандиозную и извечную схватку жизни со смертью. Тоненькая веревочка троса делит не только стихии: небо и землю, но, кажется, и самого канатоходца на две части. Первая из них – паб, вторая – бесконечный небесный простор. Маленькая фигурка рыжей трюкачки балансирует между двумя крайностями, не желая окончательно раствориться ни в одной из них.

Один из завсегдатаев, мэтров, корифеев своего дела, панк по имени Доггер с мрачным видом сидит на сцене. Он сосредоточенно и напряженно рисует на мятой бумаге свой извечный сюжет: череп и выходящую из него бесконечную

дорогу. Особого таланта к рисованию у него нет, но именно такая картинка, как ни странно, всегда получается удачно. Шерсть пса красноватого оттенка, скорее всего, он специально подкрашивает ее ради радикальности образа. Изпод краски проглядывает его натуральный кофейно-бежевый цвет с кофейным оттенком. Спина контрастно подчеркнута темной шерстью. На голове у панка, как и полагается, черный с красными концами ирокез. Шея увенчана пародией на строгий деловой галстук – черно-синей лентой с торчащими концами. Это своеобразный вызов деловому стилю и всякому представлению о красивых галстуках. К сцене твердой и решительной походкой приближается еще один герой, а точнее, героиня паба. Ей, к сожалению, всегда отдаются второстепенные роли – аккомпанемент и аранжировка для кого-то. Это черная кошечка Джейн со строгими голубыми глазами, легким черным (иногда синим) платьем, шпагой на поясе и гитарой через плечо. Она была бы рада встать на сцену, взяться за свой инструмент, ударить по струнам, но не отойти, как обычно в сторону, а запеть самой. Джейн есть чем поделиться с публикой: у нее целая куча тетрадей, исписанных мыслями, песнями... Но трудно, ужасно трудно, пробраться к микрофону, когда горизонт застилают такие мэтры, как Доггер. Ее лапы крепко сжимают книгу с лаконичным названием «Мы». На кошке красный ошейник, который она носит, словно пытаясь зажать себя в каких-то рамках, ограничить собственную свободу. Джейн несет на себе

целый ворох вещей, которые не мешают, а будто бы поддерживают. Черная кошечка подходит к Доггеру и грубоватым голосом спрашивает:

– Слушай, Дог, помоги микрофон найти. Почему-то после твоих выступлений все всегда верх-дном, все как в провальную яму.

– Погляди в архивах, – не отрываясь от рисунка отвечает пес.

– Все архивы сплошь завалены твоими исписанными бумагами и рисунками типа того, что у тебя сейчас в лапах.

– Что поделать, у меня богатый полет мысли!

– Ага, но при этом бедный карман! – начинает издеваться Джейн, зная щепетильность Доггера в денежном вопросе.

Доггер откладывает свой рисунок на край сцены, с ним же оказывается в стороне и его искренность. «Игра начинается!» – с азартом и нарастающим внутри весельем думает пес. Да, панк уже давно научился прятать свою настоящую сущность за напыщенными фразами, фиглярскими манерами, заработав себе репутацию шута-кривляки. Он порывисто поднимает голову вверх, закрывает глаза, начинает патетическую речь, испещренную театральными вскриками:

– Ах, не говори мне о деньгах! Ох, я живу ради своей музыки!.. Одного только не знаю, как поднять продажи своего нового винила... Я, знаешь ли, большой души пес. Все для всех, а себе – ничего.

– Вот значит как? А я думала сказать тебе, что где-то

неподалеку кто-то уронил монету... Я только сейчас слышала звон. Но раз ты такой щедрый...

– Где?! – оживляется Доггер, вот-вот готовясь сорваться с места и кинуться за грошом.

– Там же где и микрофон! – чувствуя глухое раздражение в себе напоминает Джейн.

– Ах да, микрофон... Я помню его. Такой черный. Как ночь. Нет, как две глубокие ночи. Все певцы держались за него, словно за волшебный и могущественный посох, создающий чары собственных иллюзий звука. А его серебряные прутья мелкой решетки! В них эхом звенит мелодия, наполненная...

– Прибереги байки для своих зрителей! Где микрофон?!

– А, этот... Я пролил на него пиво.

– Что?!

– Он так хрипел, когда оказался... во хмелю! Ха-хах! Это был ночной концерт, я выживал как мог.

– Все у тебя с дурью пополам, – обречено подводит итог Джейн. «Что с него взять? Разыгрывает из себя дурака, строит гримасы, а нам, живым и настоящим, об его маски, как о стенку горох! Зрители это любят, но я не собираюсь аплодировать этому шоу!»

– Да, но зато нервы покойны. Не заметила?

Паб даже в ночные час не бывает пустым. Вот и сейчас с кипой бумаг, мелкими, легкими, робкими и нерешительными шагами затрусил кролик по имени Черничка, поэт и глав-

ный романтик паба. Звук от его лапок глухо раздавался, ударяясь о пол и тотчас же таял, как таят круги от брошенного в воду камня. У него белых мех с черными пятнами по бокам и вокруг глаз, темные хвост и уши. Проходя мимо сцены, он с восхищением смотрит на Доггера, радостно улыбнувшись ему внутри себя. Но что-то вдруг омрачает его настроение и с некоторой долей волнения кролик застенчиво замечает:

– О нет, Доггер! У тебя ирокез вот-вот отклеится.

– Быть того не может! Мать моя анархия! Карьера... рухнула! Звезда померкла! Скажите всем, что шоу не будет! – тотчас же забыты слова о спокойных нервах. Паника накрывает панк-рокера огромной волной, унося его в свой омут. Он суетливо бегают по сцене, добавляя к быстрому стуку лап о пол нелепые вскрикивания.

– Успокойся, сегодня у тебя нет концертов. – сочувствующе успокаивает Черничка. Он уже успел пожалеть о сказанных невзначай словах, проклиная свою неосторожность.

– Глупый! Как ты не понимаешь всю глубину моего провала! Их же потому и нет! Занавес закрылся, а я прогорел! Все, скажите прессе, что я уйду со сцены в скорбном молчании! И не нужно слез!

Артист никогда не прощает себе публичного позора на глазах у публики, и пусть даже зал не полон. Доггер предпочитает уйти как можно скорее, переживая свое фиаско в одиночестве. Сцена пустеет.

— А я-то думал, что на этой сцене все настоящее... И ирокез тоже, — разочарованно вздыхает Черничка.

— Я когда-то тоже так думала. Будто все вокруг истинное, подлинное, незапятнанное. А потом только выяснилось, что жизнь — кривое зеркало, где грязное может быть чище чистого, черное — белее белого, — обреченно подводит итог Джейн, поставив точку в разговоре.

Глава 3. При Луне

Рыжий огонек горящей свечи освещает страницы книги Данте «Божественная комедия», полной рукописных замечаний и карандашных подчеркиваний. Видимо, ее читатель — поэт или писатель, который черпает в книге вдохновение. На столе рядом с книгой страшный бардак, свойственный всем творческим натурам. В одну кучу свалены листы бумаги, в открытую чернильницу воткнуто растрепанное очищенное перо рябчика. Пепельница в виде черепа призывает помнить о вреде табака, но тут же лежат открытые пачки недокуренных сигарет, а венчает этот разгром дешёвенькая деревянная и расписанная акрилом фигурка шута, с чьего лица не сходит озорная улыбка. Похоже, что хозяин подвержен неожиданным наплывам вдохновения, в пору которых он готов исписывать лист за листом, но после волны эйфории наступает резкий спад и работа снова останавливается до неопределенной поры. Тот, кто живет в этой комнате украсил стену портретом Владимира Маяковского, написав под ней красной краской: «Нате!». А еще ниже, уже черной

краской, добавил: «панки по пьянке». Футурист с плаката суровым взглядом смотрит на владельца дома и готовится вот-вот сбросить того с «парохода современности», завладев рабочим столом, комнатой, и даже недопитой кружкой чая. Хозяин этого жилища – пес Доггер, который несколько часов назад неистово скакал, как шут, по сцене в пабе и, меняя один образ другим, пел свои песни. Сейчас он сидит в своем доме, в мягком и уютном кресле, читает Виктора Гюго «Человек, который смеется», не подозревая о том, как его сверлит глазами Маяковский с плаката. Доггер решает отвлечься от чтения, ведь он любит делать паузы, задуматься о прочитанном или о самом себе. Рокер восторженно смотрит на холодно-белую луну в его окне: «Какая загадочная и тем прекрасная планета!» Сам не замечает, как вдруг мечтательно произносит:

– Он любил ее, а она любила летать по ночам⁴...

Неожиданно в комнату входит Черничка, облачившийся в золотистую накидку. Когда-то его постигло страшное несчастье, лишившее крыши над головой. Он стал замкнут, неприветлив и именно тогда растерял способность к богатому выражению эмоций внешне. Но кролику повезло: он встретил Дога, который как мог научил его стихосложению, познакомил с поэзией и приютил в своем доме с зеленой крышей, позволив читать книги и баловаться сложением рифм. Шаги Чернички не слышны и не возмущают царяще-

⁴ «Машина Времени» «Он был старше ее»

го умиротворения. Кролик, как всегда, сдержан, спокоен, на его мордочке ни тени усталости, тревоги или радости. Говорят только его глаза. Сейчас они зажглись интересом и любопытством. Будучи любителем прекрасного и всего красиво сказанного, он спрашивает у Доггера:

– Что-что? Интересные стихи! И будто про меня!

Пес вздрагивает. Никак не ожидал он сегодня под вечер гостей. «Игра началась!» – пронеслась в его голове спасительная фраза, выход из любых ситуаций и удачный ключ ко всем замкам.

– Шпион морковный! Уши-то как детекторы. Говорю, он ненавидел ее и это хорошо, потому что она все равно разбилась, когда летела к нему ночью, – резко отвечает панк.

– Мне послышалось другое... – разочарованно вздыхает кролик. Беседа о поэзии не состоялась, а ему опять влетело за собственные слова. Видимо, он может пользоваться ими только на бумаге.

– Каждый слышит то, что хочет слышать.

Черничка пристыженно опускает глаза, взгляд скользит по дощатому полу, а оттуда на окно. Вот оно спасение – звездное небо! Кролик с восторгом подходит к окошку, улыбается, нездешним мечтательным взором глядит на небо:

– Знаете, а я теперь совсем не сплю по ночам! Смотрю на

небо, учитель!

Настроение у Доггера уже испорчено. Его вечернее чтение наглым образом прервано, мысли спутаны ушастым пронырой. Вообще-то пес любит своего подопечного за искренность и преданность, но только бы тот не докучал своими поэтическими замашками. Теперь у длинноухого новая идея: себя кролик хочет называть «учеником», а Дога – «учителем». Начитавшись Гете, мечтает быть Вагнером при Фаусте.

– Какой, к лешему, учитель?! Научись сначала разбирать мои бумаги так, чтобы я их потом не путал снова, а уж потом в ученики записывайся... И на кого же ты там смотришь в окне? На елки?

– Нет, на звезды...

– М-м, и что? Все на месте?

– Да. Но зачем мне все, когда у меня есть одна – Клара-белль.

– Чё? – небрежно бросает Дог, явно не понимая слов своего соседа.

– Кларабелль! Я нашел ее одной ночью, когда мучился страшной бессонницей и долго бродил по лесу, пытаясь вернуть себе утраченный сон. Но встретил ее, упавшую звезду. Я вернул Белль на небо, и теперь мы каждую ночь разговариваем.

– Как это вернул? По лестнице?

– Нет, там все по-другому... Ты не заешь.

– Ну да, куда там мне, – обижается панк. – А как же твоя Офелия? Давно я не видел ее костей между книг.

– Ах, несчастная Офелия! Она ушла, как только нечаянно узнала, что ты называешь ее мертвым скелетом, – с горечью говорит Черничка, прижимая лапу к сердцу, словно туда пришелся удар.

– Значит, сама она об этом не догадывалась? Кого еще можно было выловить в реке? Фу, как вспомню эту мертвечину в доме. Одни кости и глаза полные пустоты.

– Доггер, это же Офелия! Бедная девочка утонула! И волею реки попала ко мне! Тебе явно не достает чувства такта. Какая пустота? Ее глаза были полны скорби, – взволновано пытается объяснить романтик.

Разгорается спор двух непонимающих друг друга сторон. Оппоненты начинают сердиться, даже сдержанный Черничка хмурит брови и взволнованно размахивает лапами. Доггер не собирается сдаваться и упрямо пытается сразить романтика фактами:

– Слушай, курю я – а галлюцинации у тебя! Как это? Офелия не утонула, она утопилась. Разница большая. Она была больна! С ума сошла! Спятила!

– Это ложь! Гнусная клевета! Несчастный случай!

– Принц датский, иди-ка ты усни и посмотри сны.

– «Какие сны в том смертном сне приснятся, когда покров земного чувства снят?»⁵

⁵ Цитата из пьесы Шекспира «Гамлет»

– Вот пади и узнай! А мне дай спокойно насладиться удовольствием, приходящим с шелестом книжных страниц.

Только Дог успел подумать, что спор окончен и можно наконец продолжить свой аристократичный интеллигентный отдых, как в дверях появился его брат Глэйз. Черный пес с узкой мордой, худощавым телосложением, висячими ушами и длинным хвостом. Настолько черный, что на солнце становится похожим на гуталин или еще какое-нибудь вещество, будь то смола или краска. В отличие от брата, шерсть его всегда прилизана и, как контур, еще более отчетливо подчеркивает естественную худобу. Глэйз страшно устал, у него невыспавшиеся колючие глаза, пренебрежительная гримаса, а в лапах догоревшая свеча на огромном томе медицинского справочника. Судя по всему, он давно не спал. Должно быть, с того самого момента, когда решил стать врачом психиатром. Реальная жизнь едва удовлетворяла его пытливым ум, пес нашел утешение в огромных энциклопедиях и трактатах, растворившись в учении. Никто и ничто не могло удовлетворить или обрадовать его, кроме огромных медицинских книг и копания в чужих головах. Внутри он раздражен, а внешне презрителен. Начинаящий медик сдавленным голосом говорит, не обращаясь ни к своему единственному другу Черничке, ни к надоевшему брату: «Моя свеча сгорела».

Доггер едко замечает, стремясь хотя бы колкостью раскра-

свить свой пропавший вечер:

– Что, сгорел на работе? Или, вернее, на учебе? Вечный теоретик! Когда уже практик?

Кто-то даст мне свечу или придется разводить дома костер?! – раздраженно спрашивает Глэйз. Из глаз его стреляют искорки гнева.

– Нет, костра нам больше не нужно. «Я до сих пор не могу оттереть копоть со стен после твоего ночного чтения», – опасливо замечает Черничка, которому постоянно достается работа домохозяйки.

– Знаешь, сколько стоит одна свеча? – вступает в разговор Дог. – А зарабатываю я не так уж много, чтобы снабжать весь дом всякой всячиной.

– Меньше трать на свои сигареты и ядовитый ром. Вот увидишь, денег станет гораздо больше. Вырастут в геометрической прогрессии! – злостно отвечает Глэйз, зная слабости брата.

– И как я тогда должен работать? Это мое вдохновение, между прочим. От тебя-то поддержки не дождешься. А у меня каждый день новый образ, где брать силы? Я каждым нервом работаю, себя на кусочки рву, чтобы зритель угрюмый подошел, взял кусочек меня и проглотил! Если я буду работать на сцене без пыла, азарта, без жгучего неистовства – то тогда зачем мне вообще петь? Для чего? Нет, для кого?! Я

страдаю на сцене от удушья, отдавая весь воздух зрителю. Я насыщаюсь творчеством. И реальность не может меня уничтожить, покуда я играю. Дикий азарт бьёт меня по голове, я горю сгорая, ради оваций и криков браво, воплей и гиканий. Я художник, актер, лицедей... король! Доколе?! Навсегда!

– Все о себе. И король, и лицедей... Только мы потом страдаем, откачивая тебя после твоего «вдохновения», не зная, что делать, – измученным бессонными ночами и братом паяцем сцены отвечает медик теоретик.

– Так я тебя учу. Спасибо должен говорить. Тебе по профилю. Все для братца. Или ты у нас только диагнозами обзываешься? Как ты меня там вчера обрисовал?

– Истероид... – с улыбкой блаженства говорит Глэйз, вскочив на свой конек. – И это не диагноз.

– А я, я кто? – живо интересуется Черничка, пытаюсь хоть в этот раз удовлетворить любопытство.

– Че мы тебе, ходячие иллюстрации из твоих книжек?

– Мне интересно узнать свою душевную организацию, – вступается кролик.

– Узнавай-узнавай, подальше от меня только, – недовольно замечает Доггер, стремясь прочесть хоть строчку из открытого романа.

Черничка берет Глэйза за его дружественную лапу и со вздохом заканчивает спор на грани ссоры:

– Пойдем. Расскажешь мне про меня еще, а я поищу у себя свечу. Кажется, у меня что-то оставалось. Если не найдем, то сделаем из огарков. Это интересный процесс. Я один раз сделал, а потом сам раскрасил.

Доггер уже начал читать, но он не может удержаться от очередной остроты:

– Как? В цветочек?

– Строчками из своих стихов! – доносится из коридора.

Глава 4. Происшествие в фургончике отшельника

Даже в глубине густых лесов есть жизнь. Возможно, она там развивается даже интереснее, активнее и полнее чем в городах. Посреди одной такой непроходимой, совершенно дикой чащи стоит деревянный фургончик с разбитыми колесами, вросшими во мшистую землю. Из окошек тускло горит свет от парочки восковых свечей и несчастных светлячков, посаженных в банку. Фургон наполнен старинными пожелтевшими и рассыпающимися от времени книгами, огромными кожаными фолиантами, чертежами на пергаменте и папирусах. Эти чертежи, выполненные от руки углем, представляют собой ряд формул, анатомических исследова-

ний, занесенных в таблицы и схемы. По одному такому эскизу создается летательный аппарат из сухих веток и тростника, подвешенный к потолку. К дощатым стенам жилища намертво прибиты рукописные таблички с цитатами на латыни: «*Contra spem spero*»⁶, *Doctrina multiplex, veritas una*»⁷, «*Cogito ergo sum*»⁸. Почти сливаясь со своим домом на колесах, у огромного стола, заваленного пробирками, странными жидкостями и минералами, стоит ворон Орландо. Но это не обычная птица. Его тело отливают бронзой и состоит из мелких сообщающихся шестеренок, подобно старинному часовому механизму. У ворона большие круглые, но как будто неживые глаза, обрамленные толстыми линзами. Тело продолжается не лапами, а колесом. На голове цилиндр со встроенными в него часами, которые существенно отстают на несколько часов. Да и вся механическая птица, как минимум, выглядит странно, напоминая гостя из прошлых столетий. Этот ворон обладает выдающимся умом и, по праву, может считаться гением. А все гении, как известно, не в себе. Окруженный клубами пара из нагревающихся пробирок, ученый напряженно ведет записи своих исследований. Вдруг, сзади него раздается треск выбитого стекла. Из колбы медленно вытекает синяя сверкающая жидкость, которая начинает превращаться из аморфной массы в различных су-

⁶ Без надежды надеюсь (лат.)

⁷ Учений много, истина одна (лат.)

⁸ Я мыслю, следовательно, я существую (лат.)

ществ: минуту назад она казалась рыбой, сейчас же в силуэтах угадывается женская фигура, а еще секунда, и субстанция становится рыжеватой лошадкой. Гостья напугана. Ее огненная грива каскадом ложится на плечи, челка лезет в зеленые глаза, полные нездешней силы. Она беспомощно щурится на блеклый свет фургона, который безжалостно раздражает зрение. Со стоном, вырывающимся как из первобытных таинственных недр, с ее губ слетает вопрос:

– Когда я на этот раз?

Орландо, напрочь забыв о правилах осторожности, сбрасывает сверкающие пробирки и подъезжает на своем колесе к пони. Увы, его ожидания не оправдались. Он, как и всякий ученый, преисполнен амбиций и стремлений к невозможному. Ворон часто бывает раздражен, его нервы, вопреки логике, отнюдь не железные. Но в эту минуту он злится больше обычного и позволяет себе выругаться:

– Черт возьми, ждал дьявола, а вызвал женщину!

– Невелика разница, мой пернатый ami.⁹ Узнав меня, еще вспомнишь об этом, – с лукавой улыбкой отвечает лошадка, мало-мальски начиная привыкать к обстановке.

Гостья с усердием пытается встать, но ее ноги еще слабы и неподатливы. Ученый вежливо протягивает ей свое крыло. Лошадка хищнически резко хватается за опору, но со вскриком все равно падает на пол:

– Холодный! Весь из железа!

⁹ Друг (франц.)

Ворон без тени эмоций пожимает плечами, не то пытаюсь стряхнуть, осевшую пыль, не то выражая крайнее безразличие к ситуации. «Дремучие века... Холодность души и тела – верный способ выжить, и глупец тот, кому этого не понять.» – замечает он про себя, крайне довольный созревшей мыслью. Не без усилия лошадка наконец-то встает, скептически оглядывается вокруг себя, испытывая внутри себя крайнее неудовольствие.

– Судя по всему, я в 19 веке? Или постой... в 17?

Орландо до сих пор не может смириться с тем, что вместо посланника нечистой силы, которого так хотелось взять под микроскоп, и чью клеточку хотелось подробно описать и изучить, ему явилась огненно-рыжая и крайне невежественная девица. Он недовольно бурчит ей в ответ:

– Мимо. Хотя... сам не знаю точно, где я... Вернее, когда, в каком именно отрезке времени. Я бы мог стать неплохим календарем или пособием по истории, ведь в моей памяти закристаллизованы воспоминания о минувших годах и столетиях. Спроси о чем угодно, и я с точностью хронометра выдам тебе истории про чуму, славную инквизицию и орден иезуитов. А сейчас, предположительно, 20 век. А может, 21 или 22.

В этом месте слишком много заумных книг, под ногами шуршат наваленные в кучу листы, да и место малообитаемое, тихое, гробовое... Лошадка рыскает глазами по полкам и стенам, пытаясь зацепиться взглядом хоть за какую-нибудь

приятную для себя мелочь, но вокруг одни лишь книги-книги-книги... Она не выдерживает и с надеждой на поддержку жалуется своему невольному соседу:

– Какое убожество. Пони... В воняющем плесенью фургоне с чокнутым ученым. Всегда только об этом и мечтала. Даже не знаю, где лучше: на костре или здесь.

– Не в то время. Не в тот час... Вслед за многоуважаемым доктором повторяю: «Так кто ж ты, наконец?»¹⁰

– Честно? Пока никто. Но скоро кем-то стану. А ты кем доводишься? Сумасшедший гений?

– Гений – да, но разум у меня цел, – отвечает ученый отчеканенными, как из железа выкованными, фразами. – В этом празднике жизни я участвую уже давно. Но прежде всего, я врачеватель чумы. Не находишь ли ты, что болезни схожи с колдуньями? Я работал как с одной напастью, так и с другой. Даже лечатся они одним методом – огнем. Долго изучал чуму. И пошел в лекари не ради того, чтобы исцелять, а чтобы насыщать свой ум. Понял, что вакцины, как таковой, нет и бросил вызов болезни, а заодно смерти, перехитрив в итоге обеих. Я устроил себя, как часовой механизм, перестроив свое тело. Почти все мои органы подменены шестеренками. Увы, я был молод и не учел множество факторов. Например, теперь я не могу летать из-за тяжести своей конструкции. Зато могу скользить по поверхности на встроенном в меня самого колесе. Символично, что не могу воспарить под небом,

¹⁰ Гете «Фауст»

словно все земное и суета держат меня в своих неподъемных оковах. Как же я очутился здесь? Попросту сбежал из своего прогнившего и смердящего хворью века на машине времени. Собрать машину – не трудно, самая беда – перехитрить время и успеть сделать оборот до того, как оно, время, это заметит. Время и Смерть – вот два моих заклятых врага. Почему не выхожу в город? Не вижу в этом решении рациональности. Может, в городе по-прежнему чума или что-то еще в разы хуже? Ведь возможно, там одно лишь пепелище цивилизаций? Зачем мне рисковать и рушить свои надежды о победе разума, когда я могу сидеть здесь, счастливо работать и не утруждать себя печальями? Подумай: у себя в голове я могу представлять все что угодно. Реальность не победит меня, покуда я нахожусь вне ее! Впрочем, кому все это рассказываю?.. Видимо, одиночество накладывает свой отпечаток. Появляется странное желание выговориться.

Пока Орlando расточался в абстрактных рассуждениях, пони увлеченно и нагло перебирала книги на полках, чертежи и схемы. Однако это не мешало ей слушать, хотя бы местами, рассказ ученого.

– Раз ты такой умный, чего тут сидеть? – не отвлекаясь от листов на столе говорит лошадка – Все равно не понимаю. Выстроил себе пузырь и думает, что спрятался. Пузыри лопаются. Да и в чем тогда смысл этих твоих исследований, если о них никто не знает? Ты изобрел машину време-

ни! Сходил бы в город и рассказал об этом. Деньги, слава, признание, ну и завистники, конечно – обеспечены. Сколько же здесь записок, чертежей, схем, исследований... Чего только нет...

Орландо спешно отгоняет гостью от бумаг. Эти записки очень важны для него. Они – это, своего рода, те же шестеренки, поддерживающие жизнь ворона.

– Смотрите-ка, воспитательница нашлась! Пошла прочь, раз понимания нет! Как говорит дремучий народ, но здесь он прав, и я повторю его – свиным рылом да в калашный ряд...

Пони обескураженно умолкла. В воздухе царит напряжение гнетущего молчания. Между ней и ученым появился нерв недопонимания, озлобленности, отчужденности друг от друга. Не зная, что делать, лошадка кокетливо оправляет гриву. Ей по-прежнему кажется, что вместо копыт у нее аккуратная и нежная ручонка, которая гребешком пройдет по волнистым роскошным волосам пламенно-рыжего цвета. Она осторожно подбирает слова, неуверенно говорит:

– Что же... Ты здесь остынь, а я пойду в город. И уже по своему возвращению смогу полностью представить тебе себя, а то непривычно ходить без имени и самоопределения.

– Ступай. Не вернешься – не многое потеряю.

Глава 5. Пробуждение

Приятно вернуться к жизни после долгого отсутствия

в ней. Затянувшийся сон может стать причиной страшной усталости, а не источником долгожданного отдыха. Все еще безымянная пони из деревянного фургончика чувствовала себя подснежником. Она словно пребывала под холодной землей, в мертво-молчаливом склепе без солнца, а сейчас, по весне, как лютики, одуванчики и первоцветы вышла на свет. Сначала лучи сильно режут глаза, но уже очень скоро они начинают греть.

Глава 6. Город Хилтопгер

Первым делом лошадка спешит выйти из леса. Ей никогда не нравились малообитаемые места, в их бездне одиночества и мрака она теряла саму себя. Пони не любит одиночество, оно заставляет ее чувствовать себя совершенно опустошенной. Ей нужны звуки, яркие пятна и образы, бурлящее кипение. Место, куда она попадает – город Хилтопгер. Это небольшое, но уютное поселение, выросшее на почве плантаций во всех смыслах. Первые фермеры, выращивающие чайные сорта на холмах, строили на выступях хижины, чтобы укоротить маршрут от работы до дома и тем самым сэкономить время. С годами число домишек увеличивалось, а потом выросло до размеров города, где было место и магазинам, и многоэтажным домам, еще паркам, школе, конюшням, кафешкам и даже пабу «Black cat». Город выстроил себе небольшой порт, чтобы кораблям было сподручнее забирать и отвозить на продажу мешки и ящики чайных листьев.

Мимо набережной уверенным шагом идет лошадка, вы-

ползшая из деревянного фургона, подобно ящерице из темного подземелья на свет. Морской ветер тянет за собой соленые брызги, оставляющие на губах след из белых кристаллов. Так как это морской порт, на набережной один на другом стоят деревянные, крепко сколоченные ящики для перевозки груза. На одном из таких сидит Джейн. Ее голубые глаза сливаются с цветом поднимающейся морской волны. Судя по ее улыбке, здесь она счастлива. Черные лапы сами по себе выводят шпагой по песку кривые линии. Джейн вспоминает недолгий период своей юности, когда она была одним из тех моряков, что грузят на борт чай. Первая девчонка-пират на борту! Именно из-за своего пристрастия к битвам на воде и жажды захватить чужой корабль, кошка и сидит на берегу, отстраненная от морского дела. Хилтопгер – мирный город, и он не станет жертвовать своей репутацией и покрывать свой имидж пятнами крови, пожертвовав ради этого отличным моряком. Черная кошка с удовольствием поглаживает свое рваное правое ухо и наслаждается тихим счастьем, настаивающим ее в порту. Но как только в каком-то из уголков огромного мира возникает хотя бы маленькая толика удовлетворения, недремлющее зло возникает тут как тут. Лошадка из деревянного фургона аккуратно приближается к Джейн с вполне доброжелательной улыбкой и, как кажется, с самыми чистыми намерениями. Но лишь кажется... Черная кошка скептически оглядывает незнакомку. Наученная горьким опытом уличной жизни, она научилась не доверять каждому

прохожему. Рыжегривая заискивающе пытается найти, для начала только взглядом, карманы на платье морской разбойницы.

– У меня нет денег, даже не пытайся их найти, – резко кидает Джейн.

Но зеленоглазая мошенница все-таки смогла пожить чужими деньгами. Конечно, уже из кошелька другого несчастного зеваки. Пони, преисполненная гордости за свою ловкость, с тоской смотрит на собственное отражение в парковом фонтанчике. Сейчас у нее вид среднестатистического прохожего. Разве что только яркий рыжий цвет гривы позволяет как-то отличаться от толпы. «Пора наконец-то узнать, кто же я... И даже моя новая шкура не может заставить меня стать блеклым пятном.» Пони намерена брать штурмом магазин.

Глава 7. Дружелюбный пегас

Лошадка с рыжей гривой наделена отменным вкусом. Теперь на ее глазах блестящие розоватые тени, тушь, удлиняющая ресницы и манящая заглянуть в дьявольски красивые глаза зеленого цвета. Челка гривы уложена дугой вверх, открывая, а не скрывая вызывающий взгляд. Губы накрашены яркой красной, рубиновой, помадой, образуя рисунок в форме сердечка. На теле пурпурная юбка с черными полосками. Привычки тянутся с прошлого, глубоко-глубоко прорастая своими корнями. Особенность лошадки – яркая внешность и страсть к платьям, корсетам, помадам и сережкам. Пони сто-

ит на кассе магазина, сжимая в копытах фиолетовый браслетик. Такие дамы как она существуют уже не первое столетие. Они собирались на балы и шабаши, часами смотрясь на свое отражение в серебряном зеркале, и любуясь тем, как в их глазах преумножается дикость. Они летали на метлах или наводили на деревни порчу, вели дружбу с пауками, змеями, жабами отплясывали на Лысой горе. Пони с ухмылкой вспоминает эти славные времена, полные отчаяния и свободы. Но кто-то сзади отвлекает ее от мыслей. Это юный голубой пегас с бордовой короткой стрижкой и хвостом, заплетенным в косичку. У нее легкое телосложение, широко раскрытые и любознательные карие глаза с прямыми ресницами. Она держит целую охапку разноцветных браслетиков. Немного робея перед незнакомкой, сконфуженно улыбаясь, но жизнерадостным голосом, пегас начинает разговор:

– Привет! Ты, похоже, новенькая... Я почти весь город знаю, а тебя никогда не видела. М-м-м, судя по нашим браслетам у нас с тобой вкусы похожи.

Рыжегривая перестает радоваться своему визиту в этот магазин и с неохотой оглядывается назад. Она буквально заставляет себя ответить. Хотя и в голове у нее вертится лишь одно слово «фи», пони произносит другое:

– Да, я здесь недавно.

– Отлично, могу показать город! Я на часок свободна, а потом у меня дела в пекарне.

– Я посмотрела город, – пытается отвязаться лошадка.

– Может, посидим в пекарне вечером? Новые друзья в новом городе всегда кстати. Точно, не представилась. Я – Дашка, – не теряет надежду пегас.

– Ладно, посидим в пекарне, если тебя это утешит, Дарья...

– Нет-нет, только не «Дарья»! Терпеть не могу, когда меня так называют. Выворачивает от этого обращения. К чему? Просто Дашка.

– Без проблем. Дашка так Дашка, – отмахивается огненно-рыжая.

– Так сегодня в шесть часов в пекарне?

Пони в пурпурной юбке с ненавистью смотрит на медленно выходящую из аппарата чековую ленту. Резким движением она берет беленький чек и стремится поскорее отойти к дверям. К большому сожалению, в городах водятся назойливые малолетние, жаждущие общения. Но пони и с такими старается держаться достойно:

– Да-да, конечно...

– Буду ждать в пекарне «White cat»! Это на улице Улун, быстро найдешь! Кстати, как мне тебя называть? – кричит ей вслед дружелюбная Дашка.

Тут зеленоглазая на минуту задумалась. Действительно, пора бы определиться со своей новой ролью в этом городке. Когда-то очень давно ее история началась со старонемецкого имени, означающее «покой». Возможно, ей наконец-то

удастся замкнуть круг. Быть бессмертным надоедает быстро, уже через два столетия. И со старым именем лошадка пройдет новые испытания. После небольшой паузы она с коварной улыбкой отвечает:

– Мое имя Фрида...

Глава 8. Черное и белое

Первым заведением в городе, где можно поесть вне дома стал паб «Black cat». Конечно, еда – это далеко не цель заведения, а, скорее, приятное дополнение. Но тем не менее в оппозицию ему появляется кафе-пекарня «White cat». Можно сослаться на то, что его хозяйкой является белая кошка с золотистым кольцом на шее и фиолетовыми глазами. Поговаривают, иностранка. Отсюда и название. Но даже в интерьерах и заведенных правилах угадывается противостояние и вражда. Если в первое заведение приезжают размалеванным, взлохмаченными, в кожаных куртках и непременно на ревущих байках, то во второе принято ходить опрятными, милыми и, как правило, пешком, под руку с другом.

Внутри «White cat» очень просторно, чисто и светло. Это настоящий оазис с безупречно белыми стенами, столами, деревянными стульчиками с вырезанным орнаментом на спинке. Белая кошечка сама выпекает булочки и сладости, которыми лакомятся горожане в течение дня. Также в кафе стоит приемник, чьи антенны ловят исключительно французскую эстраду, а на больших подоконниках круглогодично стоят цветы. К весне пекарня пополняется букетами. Посетители

приносят их сами в знак своей признательности. На окнах, на кассе, у входа – везде развешаны колокольчики. Владелец обладает страшным азартом в деле их коллекционирования. Ей, непременно, хочется слышать успокаивающий ее слух звон. У хозяйки страшная непереносимость тишины и бездействия. Говорят, она была такой не всегда, только после трагического происшествия в жизни, но вряд ли кто-то когда-то узнает правду. Одним словом, пекарня – крайне доброжелательное место, где за чашкой кофе или чая ведутся дружественные беседы.

Дашка пытается быть сосредоточенной и упорно борется с пятном черного кофе на мраморно-белом столике, но то и дело тревожно поглядывает в окно. Она ждет свою новую подругу. От звона колокольчика пегас вздрагивает и напряженно смотрит на посетителя. От долгого ожидания она приходит в отчаяние и ярость. Ей уже хочется сорвать трезвонящий колокольчик и убрать его как можно дальше, чтобы тот не дразнил ее терпение. Но наступает назначенный час и в двери входит Фрида. Нет, она скорее появляется. Эффектно и с неким вызовом обществу, стреляя в каждого, кто смотрит на нее. Выстрел взгляда убивает наповал. Дашка радостно машет подруге тем самым, правым, копытом, увенчанным радугой браслетов. Огненно-рыжая тоже одела свой, но на левую ногу. Пегас восторженно бежит встречать краснотелую гостью, совершенно искренне и по-детски наивно приветствует ее:

– Привет, Фрида! Боялась, что ты не придешь... Так рада видеть тебя!

Она не может сдержатъ эмоций и кидается с объятиями:

– От тебя духами пахнет!

Фрида удивленно и сдавленным от объятий, ощущаемых ею как тиски, роняет:

– Привет...

Дашка уже начинает что-то бойко рассказывать, сажает пони за стол, приносит поднос и разливает по чашкам чай, успевая при этом болтать:

– Зеленый с жасмином. Надеюсь, ты такой любишь. Мы сами выращиваем. Ну, не конкретно пекарня, или я, а наш город.

– Да-да, само собой, люблю. Не знала, что ты тут за официантку, – растерянно отвечает огненно-рыжая, потеряно оглядываясь вокруг.

– Ха-ха, ну нет! – звонко смеется Дашка. У нее сегодня прекрасное настроение, – я не официантка. Просто прихожу сюда помогать. Могу столы почистить, могу пол помыть, кексики украсить и за кассой постоять. Как придется... Ладно, расскажи о себе. Откуда ты? Надолго ли здесь?

– Давай-ка о тебе, Дашутка.

– Так не интересно! Ладно, ты не из болтливых, я это заметила еще в магазине. Ну ничего, я со всеми нахожу общий язык. Если тебе так комфортнее, то начну я, так уж и быть. Что могу сказать? Я из Мценска...

– А, провинциалка, так и подумала, – нагло перебивает Фрида.

– Ну да. Во Мценске я росла, там же радостно окончила школу и уехала сюда, в город, в центр жизни. С детства привыкла к дорогам. Каждую неделю ездила к бабушке в соседний город – Орел, помогала ей в делах по дому. Но не одна, нет. С другом. Он сейчас инспектор полиции, приехал в город со мной. Так смешно, мы с ним со школы дружим, хоть он и на три класса старше был. Я его защищала, а то у нас все шибко задиристые были, теперь вот вырос и сам защитит кого угодно. Так что у меня протекция, как за каменной стеной. Сейчас я зарабатываю тем, что помогаю тому, кому это необходимо за условную плату. И в пекарне вот на подхвате. Социальный работник, если угодно, но я это определение не люблю. Сухое оно, без души... Я совсем рядышком живу, на этой же улице. Владелица этой пекарни – моя соседка. У нее еще прямо в квартире хиппи живет, такой лохматый, но добрый. Всем браслеты дарит. Так ты где живешь? Далеко от пекарни?

– В лесу, – спокойно заявляет пони.

– Как так? Прямо в лесу? А зачем? – не понимает пегас.

– Курсы по саморазвитию такие, – бессовестно врет Фрида. – Прохожу задание под названием «отшельник». Нужно продержаться в лесу как минимум полгода и обрести свое внутреннее «я», постичь дзен. Это восточная практика та-

кая. Очень странно, что ты о ней ничего не знаешь. Довольно известная вещь.

– А как в лесу-то? Холодно же... Зима наступит...

– В лесу полно разной живности. У медведя одолжу его шкуру! Были бы у него деньги, заплатил бы ими, а так...

– Станный у тебя юмор... – смущается и ежится, как от холода, Дашка. Несмотря на то, что за окном цвела весна, ей вдруг стало как-то зябко и неудобно.

– Это не юмор, Дашунь. Это жизнь. Если встает вопрос: моя жизнь или чужая, я, не задумываясь выберу чужую. Думаешь, крови боюсь? Я ее время от времени пью.

В этот момент Даша замечает, как блеснули белоснежные клыки в пасти собеседницы. Но, возможно, ей просто показалось... У нее всегда хорошо работает фантазия.

– У тебя была тяжелая жизнь, да? – снова спрашивает пегас, пытаясь найти объяснение странным словам новой знакомой.

– Хах, как тебе сказать... Со временем учишься не сетовать на судьбу и идти на встречу концу с улыбкой. Прокладывать себе дорожку из кровавого следа. Когда-то я серьезно страдала и отравляла горечью слез свою же жизнь, а потом... Научилась брать игральные кости такими, какие они есть. Конечно, легко так говорить, когда можешь успокоить себя мыслью, что эту партию всегда можно будет переиграть. И все-таки, главное – это театральность, игра и холодный расчет в действиях. Меня не выбрали королевой на балу, но ведь

я властвую над своей жизнью. И порой... над жизнями других. «Разделяй и властвуй!». Как это будет на французском? Не разделяю, но с большим успехом управляю.

Слова Фриды разрозненными кусочками пазла оседают в голове Дашки. Несчастный пегас завален словами, которые выросли вокруг нее невидимым лабиринтом, из которого не получается выбраться. «Какие кости? Бал?.. Она не похожа на нездоровую. Скорее наоборот, царственно прекрасна и величественна. Конечно, Фрида знает гораздо больше, чем я. Но с каких пор я перестала понимать речь других?»

– Так, что насчет того, чтобы перебраться поближе к городу? Я могу пригласить тебя к себе на квартиру, – сконфуженно переводит тему разговора Даша.

Слух лошадки то и дело раздражает веселый, радостный перезвон колокольчиков. С давних пор ей не нравятся колокола. Слишком много звонкой радости в их мелодии. Они словно дразнят ее, а затем пытаются прогнать прочь.

– Что? На квартиру? – ухмыляется зеленоглазая лошадка. – Ты приглашаешь к себе первую встречную? Ты же ничего обо мне не знаешь! Я могу обокрасть тебя, убить, натравить шайку головорезов! Не боишься?

Собеседница лишь пожимает плечами:

– А чего бояться? Я знаю, что ты мой друг и мне этого достаточно.

– Святая наивность! Как ты еще осталось живой и тебя не

убили в какой-нибудь подворотне?!

– Мир не такой страшный, как ты думаешь. Что отдаешь судьбе, то от нее и получаешь. Я делаю добро, а оно возвращается мне в двойном размере.

– Посмотрим сколько еще твое добро будет летать туда-сюда бумерангом. Не все такие хорошие и милые коими кажутся. Я бы советовала тебе быть осторожнее.

– Спасибо за заботу. Тебе явно нужно пересматривать свои взгляды на жизнь.

Фрида встает из-за стола, утомившись сидеть на стуле за безукоризненно белым столом К тому же, распелся колокольчик на входной двери.

– Неплохо бы пройтись.

Дашка с радостью соглашается. В ее голове успела свариться такая каша из странных слов собеседницы, что ей уже хочется на воздух. К тому же, в пекарне стало подозрительно душно и жарко. Наверное, виновато горячее апрельское солнце щедрое на яркие лучи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.